

новых аргументов в пользу этой атрибуции не найдено: все главные рассуждения имеют основой близость позиции «Смеси» и «Трутня» по важнейшим вопросам идейной борьбы 1769 г., что не имеет решающей доказательной силы. Кроме того, использован следующий довод, требующий анализа. Напомнив, что в «Трутне» (1770. № 11—12. С. 223—225) были напечатаны письмо к издателю «Смеси» и его ответ, В. В. Пухов заключает: «письма пишут издателю „Смеси“, а они оказываются у Н. И. Новикова, т. е. издатель „Смеси“ и Новиков — одно и то же лицо» (Пух. С. 162). В связи с этим следует, однако, вспомнить письмо Д. К. о Стозмее, посланное в «Трутень», а напечатанное в «Смеси». Этот факт, полностью аналогичный указанному, ни в малейшей степени не подтверждает сделанного из того вывода, но, напротив, категорически его опровергает, выявляя скрытую непродолжительную полемику между «Смесью» и «Трутнем» относительно тактики нападения на Стозмея и тем самым показывая, что во главе этих журналов стояли разные лица.

Действительно, письмо Д. К., предлагавшее резкий социальный поворот темы, было напечатано в один день (11 августа) с ведомостями «из Большой Садовой улицы», где Новиков представил Стозмея как бытовой тип. Поскольку содержание письма было Новикову известно в любом случае до публикации, его трактовка была полемическим заявлением о намерении обойти острый угол, к которому вел Д. К. и «Смесь». Невозможно, чтобы в один день Новиков опубликовал две столь разные статьи; но если бы даже он это и сделал, то непонятно, зачем ему было предавать гласности письмо Д. К., если затем «Смесь» сразу приняла линию, намеченную в известиях «из Большой Садовой улицы». Эти недоумения рассеиваются, если поверить объяснению Д. К., что он сам забрал у Новикова свое письмо, лежавшее у того без движения. Очевидно, послав или передав лично это письмо вскоре по выходе 28-го листа чулковского журнала (21 июля), автор ожидал быстрой публикации. Он мог, конечно, обеспокоиться и проявить нетерпение, не найдя его напечатанным уже в самом ближайшем номере; но психологически более вероятно, что изъясил его по прошествии двух недель. Таким образом, пропустил он 28 июля и 4 августа или же только последнюю дату. Чтобы принять решение забрать письмо, он должен был, очевидно, получить или отказ Новикова, или неопределенные обещания. Скорее всего, последовал отказ, а время было затрачено Новиковым на колебания, если таковые были, и на сочинение своей статьи, которая не могла в этих условиях не быть полемичной по отношению к письму Д. К.

Итак, возвращаться к первоначальной атрибуции нет никаких оснований.

роль играли Ф. Эмин и Н. И. Новиков» (см.: Русские сатирические журналы XVIII века: Избранные статьи и заметки / Сост. Л. Б. Лехтблау; Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1940. С. 12).